

ВОСПРИЯТИЕ СТРАНЫ ПРЕБЫВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА: ЧЕХОСЛОВАКИЯ 1968 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

© 2019 г. Е.В. Каменская

*Канд. ист. наук, доцент Уральского федерального университета,
г. Екатеринбург
ekam82@yandex.ru:*

*Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда
(проект № 18-18-00216).*

В статье анализируется образ Чехословакии, сформировавшийся у советских военнослужащих в ходе проведения операции «Дунай» в Чехословакии в 1968 г. на основе воспоминаний и интервью с военными. Проводится источниковедческий анализ текстов, выявляется их специфика при изучении образа другой страны. Рассматриваются представления о военной службе в Чехословакии, впечатления об окружающей действительности и повседневной жизни в стране, национальных взаимоотношениях.

The article analyses the image of Czechoslovakia, which was formed by the Soviet soldiers and officers during the Operation «Danube» in Czechoslovakia in 1968, on the basis of memories and interview with them. The other suggest content analysis of the texts, paying attention to their specific features for the reconstruction of the image of the counterpart. In the article, impressions from the military service in Czechoslovakia, surrounding, everyday life, national relations are considered.

Ключевые слова: Чехословакия, СССР, операция «Дунай», воспоминания, интервью, образ страны, повседневность.

Keywords: Czechoslovakia, USSR, Operation «Danube», memoires, interview, image of the country, everyday life.

DOI: 10.31857/S0869544X0006146-3

Изучение образов регионов и стран, сформированных при непосредственном соприкосновении с «другим миром», в значительной мере происходит на материалах источников личного происхождения. Авторы соответствующих текстов находились на территории какого-либо иностранного государства достаточное время, чтобы иметь возможность составить представление о жителях, обычаях, повседневных практиках и т.д. Объектом исследования становятся в основном письма, дневники, заметки, воспоминания деятелей искусства, журналистов, путешественников, дипломатов. Отдельную категорию авторов

составляют те, кто побывал за границей в качестве туристов или командированных специалистов. Кроме представителей «мирных профессий» длительное время в других странах находились военнослужащие — в условиях оккупационного режима, миротворческих миссий, размещения военных частей и пр. В этом случае специфичны как сама социальная группа, закрытая жизнь которой четко упорядочена, так и условия попадания в страну и пребывания в ней. Военнослужащие «пришли и остались надолго», они должны выстраивать отношения с местным населением, привыкать к новым обстоятельствам, образу жизни и т.д. Примером масштабной военной операции второй половины XX в., после которой войска остались в другой стране на длительный срок, является операция «Дунай» — вооруженная стадия конфликта между Чехословакией и СССР, а также его союзниками по ОВД, который изначально развивался в идеологическом поле.

Чехословацкому кризису 1968 г. и операции «Дунай» посвящено значительное количество литературы. В работах В.В. Марьиной, Г.П. Мурашко, В.Л. Мусатова, И.И. Орлика и других рассмотрены причины кризиса, его развитие, реакция отдельных стран на ситуацию в Чехословакии и операцию стран ОВД, последствия данной операции для СССР и социалистической системы в целом [1–8]. Одним из направлений в исследовании этой темы является изучение восприятия чехословацких событий населением СССР. В ряде случаев это общие обзоры отношения советских граждан к вводу войск ОВД. Другим вариантом исследования является выделение отдельных групп (по географическому принципу, роду деятельности и т.д.). В частности, большое внимание уделено реакции идеологических работников, интеллигенции, участников диссидентского движения [9–14]. При этом взгляд советских военнослужащих, участвовавших в операции «Дунай», отдельно рассматривается редко.

На сегодняшний день существует достаточно много подобных воспоминаний. Одними из первых стали вышедшие в 1998 г. мемуары командарма А.М. Майорова «Вторжение. Чехословакия 1968 г.» [15]. В 2000-е годы авторы-военные стали активно публиковаться в исторических и военно-исторических журналах. В печати (в том числе электронной) начали появляться интервью, часто «привязанные» к круглым датам. С развитием интернета оформились специализированные сайты, посвященные военной истории СССР и конкретно чехословацким событиям, на которых выкладываются литература по теме, фотоматериалы и воспоминания участников операции «Дунай».

Однако в исследовательском поле данные воспоминания представлены слабо. Стабильно упоминаются лишь воспоминания А.М. Майорова, а остальные книги, статьи, интервью используются в основном только авторами—военными специалистами [16; 17]. В качестве исключения стоит выделить работу Л. Шинкарева «Я это все почти забыл...», в которой среди других сюжетов проведен и анализ восприятия советскими военнослужащими ввода войск ОВД [18]. Основой его стали интервью, взятые автором у участников операции «Дунай» в 1989 г. Также отмечу работу под редакцией Й. Поздерки, опубликованную в 2016 г. на русском языке, где «дано слово» не только представителям СМИ, диссидентам, но и военным [19]. Ю.М. Кузьмин, являвшийся участником ввода войск ОВД в Чехословакию, а позднее ставший историком, при перечислении дискуссионных и не до конца исследованных вопросов относительно операции «Дунай» пришел к выводу: «Пережитое советскими солдатами в августе 1968 г. в Чехословакии все еще ждет честного, пристального изучения и анализа с широким привлечением документов и воспоминаний» [17. С. 37].

Воспоминания участников операции «Дунай», с одной стороны, важны при изучении военно-политической истории чехословацкого конфликта 1968 г. (ход событий, выбор способа разрешения конфликта, детали проведения военной операции и т.д.). Именно с этой позиции исследователи в подавляющем большинстве случаев и подходят к ним. Но с другой стороны, тексты воспоминаний могут быть использованы в более широком ракурсе как источник для исследования образа Чехословакии конца 1960-х годов глазами военнослужащих Советской армии.

В предлагаемой статье рассматриваются восприятие советскими военнослужащими реалий повседневной жизни Чехословакии, образ «другого мира», формировавшийся в специфических условиях проведения военной операции. В ходе исследования сделана попытка ответить на следующие вопросы: какие характеристики бытовой жизни встречаются в воспоминаниях, какие явления авторы считали важным упомянуть, что удивляло, восхищало, раздражало советских военнослужащих в чехословацкой повседневности; какие виды и формы воспоминаний наиболее располагают к исследованию на их основе процесс формирования представлений о других странах и народах?

В связи с поставленными вопросами возникает проблема более общего характера: возможно ли (а если да, то в какой мере) полноценно реконструировать образ другого мира, используя воспоминания участников военных операций, либо данные источники информативны исключительно для изучения проблем военной истории.

Источниковую базу исследования составили тексты воспоминаний и интервью. Формы публикаций различны: монографии, статьи в сборниках и журналах, а также на специализированных сайтах [15; 19–35]. Необходимо уточнить, что анализировались воспоминания военнослужащих, которые участвовали именно в операции «Дунай» (август – октябрь 1968 г.), а не прибыли в Чехословакию позднее. Это связано с разницей условий пребывания в первые месяцы после ввода войск ОВД в Чехословакию и в дальнейший период нахождения на ее территории советских войск.

Прежде всего следует выявить специфику анализируемых источников с точки зрения изучения на их основе восприятия повседневной жизни другой страны. При создании текстов авторы стремились описать саму военную операцию, показать свое участие в ней, в ряде случаев воспроизвести свои чувства, вспомнить боевых товарищей, зафиксировать свой взгляд на конкретном историческом событии. В.В. Шевченко так описывает причину появления своих воспоминаний: «Одним словом можно выразить – память! Память о службе в рядах самой авторитетной армии мира – Советской армии. Память и гордость о времени выполнения интернационального долга на территории другой страны, где при ее освобождении в период Второй мировой войны погибли 150 тысяч солдат и офицеров Советской Армии. Память об однополчанах, которые погибли в период “Пражской весны”» [35. С. 22].

При этом мемуаристы не ставят специальную задачу рассказать о повседневной жизни в Чехословакии в конце 1960-х годов, об отношениях между чехами и словаками и т.д. Эти сюжеты являются фоном, «вторичным продуктом», что, несомненно, усложняет анализ восприятия страны пребывания и ее населения. Однако рассказанные «вскользь» бытовые истории зачастую имеют большую ценность, чем целенаправленное изложение в воспоминаниях, априори крайне субъективных текстах.

В рамках данного исследования более информативными являются именно авторские тексты, а не интервью. В последних логику повествования задают вопросы интервьюеров, которых в подавляющем большинстве случаев интересуют стандартные темы: формы сопротивления со стороны гражданского населения ЧССР и чехословацкой армии, инциденты, происходившие по пути следования воинских частей, отношение интервьюируемых к вводу войск ОВД в Чехословакию в 1968 г. и сейчас, т.е. военная сторона конфликта. В опубликованных текстах интервью имеются лишь косвенные данные советских военных о чехословацкой действительности. Можно предположить, что в ходе беседы военнослужащие упоминали какие-либо свои впечатления о повседневной жизни в Чехословакии, давали характеристику ее жителей, однако это не вошло в публикацию интервью. В воспоминаниях, оформленных в виде статей и книг, содержится значительно больше сюжетов, отражающих восприятие бытовых особенностей жизни в Чехословакии, отношение местного населения к советским гражданам и гражданам других стран и т.д. Наглядным примером различий в изложении материала в виде статьи и в интервью являются воспоминания Э. Воробьева [19. С. 56–71; 21].

Важно иметь в виду, что на содержание воспоминаний оказывал влияние статус авторов в 1968 г. В воспоминаниях военнослужащих, которые к 1968 г. уже продвинулись в армейской иерархии, значительная часть текста посвящена описанию процесса принятия и исполнения решений (о вводе войск в Чехословакию, организации самой операции и т.д.). Приводятся разговоры в верхах, свидетелями которых были авторы, осуществляется попытка раскрыть причины основных событий чехословацкого кризиса. Ярким примером подобного повествования являются мемуары А.М. Майорова, с октября 1968 г. командующего образованной на территории Чехословакии Центральной группой войск. Книга «Вторжение. Чехословакия. 1968. Свидетельство командарма» содержит многочисленные диалоги автора с сослуживцами, а также с политическими деятелями Чехословакии и СССР, включая Л.И. Брежнева, А. Дубчека [15]. В воспоминаниях же военнослужащих-срочников, особенно тех, чья дальнейшая судьба не была связана с армией, значительно больше именно бытовых подробностей, детального описания отдельных эпизодов, случившихся во время нахождения в ЧССР.

Тексты воспоминаний отличаются и стилем изложения. Одни более формализованы, тяготеют к разряду «книг памяти», в которых представлены не только биографические данные, но и общие сведения о действиях военных частей на территории ЧССР в период операции, воспоминания о сослуживцах. Так, в книге «Они защищали мир в Европе», где собраны воспоминания разных авторов, а также в работе В.В. Шевченко для текстов характерна устойчивая структура [28; 35]. Основной аудиторией таких мемуаров являются сами участники ввода войск ОВД в Чехословакию, их родственники. В других воспоминаниях события излагаются в более свободной форме, приводится много курьезных случаев из жизни советских солдат в Чехословакии. Примерами подобного изложения являются тексты Ю.А. Галушко, Э. Михайлова и др. [22; 27]. Такие воспоминания и интервью рассчитаны на достаточно широкую аудиторию.

Говоря о специфике источника, следует также заметить, что на содержание воспоминаний, несомненно, влияют объем и форма, в которой они были обнародованы. В рамках небольших статей авторы в основном кратко описывают свое перемещение по Чехословакии, место службы и наиболее запомнившиеся

случаи. В большие по объему публикации (особенно это касается электронных изданий) мемуаристы включают дополнительные материалы — фотографии, документы, газетные статьи и т.д. [15; 29; 31; 35]. Таким образом, рассматриваемые тексты с источниковедческой точки зрения имеют не только свою специфику, но и строго определенные ограничения.

Приступая к анализу текстов, важно иметь в виду, что наличие представлений о стране еще до непосредственного знакомства с ней является важным элементом восприятия новой страны. В мемуарах, особенно оформленных в виде небольших статей, сведения об изначальных образах фактически отсутствуют. Больше информации содержится в интервью. Й. Поздерка, беседуя с Б. Шмелевым, задал вопрос: «Что вы знали о Чехословакии до августа 1968-го? Как вы себе ее представляли?» — и получил развернутый ответ, поразивший самого интервьюера. Шмелев упомянул оставшиеся от средней школы знания по истории и географии: Гуситские войны и Ян Гус, Татры и Прага, «один из прекраснейших городов мира» [19. С. 74]. Главные ассоциации интервьюируемого с Чехословакией — восстание чехословацких легионеров в 1918 г. и освобождение Праги советскими войсками в мае 1945 г. По словам бывшего десантника, эти два исторических события знали даже те военнослужащие, кто имел крайне туманное представление о ЧССР. Описывает Б. Шмелев и «вещественные», повседневные образы Чехословакии, существовавшие у советских граждан: качественная чехословацкая обувь, хрусталь, мотоциклы «Ява», отличное пиво, солдат Швейк и хоккей. «Общее впечатление было следующее: Чехословакия — экономически и культурно развитая страна, расположенная в центре Европы, братский и дружелюбный народ» [19. С. 74]. Конечно, изначальные представления о Чехословакии не у всех совпадали с теми, что указал Б. Шмелев, получивший среднее образование в хорошей московской школе. Однако в текстах имеются многочисленные косвенные подтверждения того, что его перечень являлся фундаментом, на котором строился образ Чехословакии и ее жителей у значительной массы советских военнослужащих и советских граждан в целом.

Представление о стране, существующем в ней внутреннем климате во многом складывается в ходе общения с местным населением. Советские военнослужащие жили достаточно обособленно. С одной стороны, это предопределялось самой спецификой армейской службы. С другой стороны, сказывалось отрицательное либо настороженное отношение части населения Чехословакии к войскам стран ОВД. Однако общение с местными жителями на разных уровнях являлось естественным процессом.

Советские солдаты и офицеры закономерно контактировали с военнослужащими Чехословацкой народной армии (ЧНА). Необходимо кратко остановиться на интенсивности и характере этого взаимодействия. В начале операции «Дунай» отношения между армиями двух стран складывались чрезвычайно сложно. Не оказывая прямого сопротивления войскам ОВД, военнослужащие ЧНА сводили контакты к минимуму. А. Майоров указывает, что у чехословацких военных существовал запрет на общение с советскими частями [15. С. 265–266]. Вместе с тем в рассмотренных воспоминаниях встречаются разные оценки восприятия военными Чехословакии ввода в их страну войск ОВД. Э. Михайлов говорит о существовавшем безразличии к данной акции со стороны представителей ЧНА: «Многие чешские офицеры закрывали в три часа дня свои кабинеты в Министерстве обороны и шли пить пиво. Им было все равно, кто пришел в Чехословакию — русские, китайцы, немцы» [27].

С ним полемизирует Э. Воробьев (в 1968 г. капитан, а позже генерал-полковник): «Нельзя согласиться с утверждением Эдуарда Михайлова, что чехословацкие военнослужащие безразлично отнеслись к появлению в своей стране войск Варшавского Договора. Дескать, “им было все равно, кто пришел в Чехословакию — русские, китайцы, немцы”. Почти круглосуточно в полку шли собрания офицеров или партийные собрания. Вторжение войск Варшавского Договора в ЧССР резко осуждалось. Те же, кто придерживался иного мнения (находились и такие люди), просто изгонялись» [21]. Автор пришел к выводу, что ввод войск ОВД в страну был воспринят многими чехословацкими военнослужащими как ущемление национальной независимости.

Но, несмотря на сложные отношения, взаимодействие армий было неизбежным. Практически во всех воспоминаниях говорится о постепенном налаживании связи с местными военнослужащими, проведении совместных мероприятий, существовании взаимопомощи. Е. Чеботарев, В. Шевченко и другие привели факты установления приятельских отношений с чешскими военными [28. С. 19; 34. С. 98; 35. С. 149]. В. Толстых указал на их сохранение и после окончания службы в Чехословакии: «Почему-то принято считать, что после ввода войск чехи видели в нас лишь оккупантов и каждого советского человека ненавидели лютой ненавистью. Это далеко не так. Военнослужащие 10 отб¹, в течение нескольких месяцев выполнявшие боевую задачу в Праге, успели обзавестись за это время множеством друзей среди местного населения. После возвращения 10 отб из Чехословакии эта дружба не только не угасла, но наоборот окрепла. Чехи, подружившиеся в Праге с нашими офицерами, неоднократно потом приезжали в Берлин в гости со своими семьями. Так впоследствии и дружили семьями долгие годы» [33].

Анализ восприятия советскими военнослужащими чехословацкой повседневной жизни может в основном базироваться на описаниях и оценках бытовой жизни чехословацкой армии. Это вполне естественно, поскольку жизнь именно этой социальной среды советские военнослужащие узнали лучше всего. Практически во всех воспоминаниях впечатления о быте, образе жизни представлены в сравнении с советской реальностью. Особое внимание солдат и офицеров привлекало то, что сильно отличалось от привычной им действительности.

Наблюдая за жизнью чехословацких военных, советские военнослужащие неизбежно сопоставляли условия их службы со своими. Общим местом во всех текстах является указание на более комфортную службу в Чехословакии. Многие вещи крайне удивляли: служба шла до 15.00, жили военнослужащие дома, на обед давали пиво и т.д. [22. С. 149]. Е. Чеботарев так описал впечатления о быте чехословацкой армии: «В их казармах чистота, порядок. В кубриках 6—8 человек, отделение. В выходные дни обязательное увольнение домой, к маме. Мебель: шкафы, столы, тумбочки — любая наша хозяйка позавидует. В лабораториях ТЭЧ, на стоянках эскадрилий, на старте никакой кустарщины — все фабрично-заводского производства, ничего лишнего. В инженерном отделе предусмотрена комната для гостей [...], даже внешне чехословацкие солдаты отличались от советских: форма была больше похожа на офицерскую, а вели они себя более раскованно» [34. С. 99]. Авторы регулярно отмечали, что зарплата у чешских офицеров была выше, чем у советских, лучше социальное обеспечение. По словам Э. Михайлова, чехи «немало удивились, когда узнали, что

¹ Отдельный танковый батальон Группы советских войск в Германии.

я, старший офицер, подполковник, живу в Москве с семьей в комнате площадью 12 кв. м в коммунальной квартире» [27].

При этом советские военные удивленно и даже скептически воспринимали порядки, принятые в чехословацких войсках, не могли представить их в своих частях и в целом не понимали местную военную систему. Почти во всех текстах подчеркивается низкая, по сравнению с советской, дисциплина в ЧНА. Контраст отечественной и чехословацкой армейской действительности вызывал отторжение у советских военных. Чеботарев отметил, что «и многие вольности, и комфорт чехословацкой армейской жизни были чуждыми и чужими для нас» [34. С. 99], Галушко высказал крайне критическую оценку, назвав чехословацкую армию «бутафорской армией» [22. С. 152].

В воспоминаниях регулярно упоминаются и контакты с гражданским населением. Несомненно, самым частым сюжетом стали дискуссии в первые дни операции между советскими военнослужащими и жителями Праги, Братиславы, а также других городов и сел Чехословакии о смысле и необходимости ввода войск ОВД. Однако общение не сводилось целиком к политическим спорам. Авторы специально подчеркивают, что разговаривали с местными жителями и «на отвлеченные, никак не касавшиеся ситуации в стране темы». Особенно это стало характерным с сентября 1968 г. [26. С. 53]. У советских военных завязывались личные отношения с местными жительницами. Подобные истории присутствуют в воспоминаниях военных разного ранга. Как на распространенное явление указал на это Э. Михайлов [27], в мемуарах А. Майорова приведен рассказ об использовании подобных связей в служебных целях [15. С. 317–318].

Воспоминания содержат заметки об уровне жизни гражданского населения ЧССР. Как и описания армейского быта, эти впечатления представлены, отталкиваясь от советской жизни. Авторы указывали, что люди в Чехословакии лучше одевались, в магазинах отсутствовал дефицит, качество дорог было хорошим. Подчеркивалась высокая, по сравнению с СССР, стоимость бензина. Отмечались вещи, которые в Советском Союзе встречались редко либо отсутствовали совсем. Подобных примеров много в воспоминаниях Ю. Галушко: от водометной машины до порнографической продукции [22. С. 162, 171].

В текстах воспоминаний и тем более интервью мало характеристик распространенных в ЧССР повседневных практик. Одним из редких исключений является описание Э. Михайловым специфики ведения торговых дел в Чехословакии, которая не была характерна для СССР. «В Чехословакии [...], так же как и в других европейских странах, отношения “продавец—покупатель” строились, прежде всего, на взаимном доверии и порядочности [...]. Достаточно было отпечатать заявку на приобретение каких-то материалов, оборудования, поставить гербовую печать — и покупай практически все» [27]. Автор рассказал о случаях злоупотребления данной системой со стороны советских военных, приведших армейское руководство впоследствии к вынужденным значительным тратам. Присутствие в воспоминаниях Михайлова развернутой характеристики данной традиции торговых соглашений напрямую связано с его профессиональной деятельностью. Автор являлся начальником квартирно-эксплуатационной части в Миловице, занимался обустройством быта советских военнослужащих в ЧССР и постоянно сталкивался с финансовой отчетностью.

В контексте проводимого исследования представляет важность и анализ редко встречающихся описаний мест, в которых пришлось побывать авторам воспоминаний в ходе службы в ЧССР. В первые дни осуществления операции

«Дунай» (с 21 августа до 10–12 сентября) многие из авторов находились в крупных городах, в основном в Праге и Братиславе, осуществляя контроль над правительственными учреждениями, органами СМИ и т.д. При описании городов Чехии и Словакии в текстах выделяется осознание их культурно-исторического значения. Военные подчеркивают нежелание наносить ущерб облику городов. Б. Шмелев в ходе интервью сравнил Прагу с Москвой. Чешская столица, по его мнению, выглядела в тот момент более цветной и яркой: «Дома чистые и ухоженные, многие из них казались новыми, хотя и простояли десятки лет. Дворики были в хорошем состоянии, улицы опрятные» [19. С. 83].

Описание городских строений и кварталов проводится и с военной точки зрения. Л.Н. Горелов, рассказывая в интервью о подготовке к проведению операции, в частности, в Праге, сказал: «Там такие дома, литературные дома. Вот такой толщины стены. Вековые дома, вы представляете, в какие века они построены» [23]. Данное обстоятельство, по его мнению, крайне осложняло положение в случае возможных боев. В целом нахождение большого количества военной техники в центре крупных городов вызывало дискомфорт у самих советских солдат и оценивается в воспоминаниях негативно. Передислокация в сельскую местность осенью 1968 г. была воспринята авторами положительно, с облегчением.

Сельских описаний немного. Авторы подчеркивают те особенности, которые непосредственно влияли на их жизнь. К примеру, в начале операции военнослужащие постоянно перемещались по чехословацкой территории. При описании маршрута часто встречается указание на сложный рельеф Чехословакии, большой перепад высот: «Дороги там очень сложные: проходят они в горной местности, на трассах много мостов, тоннелей, высоких насыпей и подъемов» [28. С. 93]. Присутствуют общие зарисовки пейзажей, которые иногда переплетаются с описанием переживаемых автором чувств. Приведу краткий фрагмент из воспоминаний Е. Чеботарева: «С тихой грустью мы смотрели вдаль, на Богемские горы, густо покрытые сосной, елью, дубом, буком, на мирные добротные дома под красно-коричневой черепичной крышей и думали: зачем вся эта канитель им и нам?» [34. С. 99–100].

Одной из распространенных тем в воспоминаниях является «национальный вопрос». В ряде проанализированных текстов авторы дают общую характеристику жителей Чехословакии (в основном чехов). Указанные черты касаются различных сфер. А. Майоров отметил говорливость и нерешительность местного населения, склонность к постоянным обсуждениям проблем [15. С. 345]. У Э. Михайлова чехи характеризуются как «техническая нация», которую сложно было чем-то удивить в технологическом отношении [27]. Распространенным в воспоминаниях и интервью является наименование чехов «швейками» [20]. Это вполне объяснимо, исходя из популярности в СССР романа Я. Гашека и превращения имени главного героя к 1960-м годам уже в имя нарицательное. Однако применительно к чешским военнослужащим в воспоминаниях это обращение получало двойкий смысл. Особенно в контексте указания на расслабленность прохождения службы и мнимое безразличие к вводу иностранных войск в страну.

Отдельным сюжетом в воспоминаниях представляются наблюдения о внутреннем климате в отношениях между чехами и словаками. Общим местом является указание на натянутые отношения титульных наций. Главной причиной этого, по мнению советских военных, была разница в экономическом развитии — уровень жизни в Чехии был заметно выше, чем в Словакии.

Э. Михайлов написал: «Словаки жили хуже, чем чехи, существовала негласная дискриминация. Бывая в наших гарнизонах Зволин, Ружомберок [...], мы видели, что дома и дороги здесь хуже, чем в Чехии» [27]. В воспоминаниях Ю. Галушко указывается на приниженное положение словаков в ЧНА и в целом пренебрежительное отношение чехов к словакам. По его наблюдениям, дослужиться в армии словаки, как правило, могли только до звания капитана, что, впрочем, не соответствовало реальности. Исключением он считал военно-воздушные силы, в связи с чем там было много словаков [22. С. 202–203].

Ю. Кузьмин привел своеобразное объяснение августовской акции стран ОВД в ключе словацко-чешских противоречий, которое он услышал от жителей Братиславы: «Словакия — колония Чехии, мы хотим большей самостоятельности и наш Дубчек это осуществляет. А вы пришли, чтобы сохранить нашу зависимость от чехов» [25. С. 584]. Часто встречается упоминание о том, что словаки в целом спокойнее отнеслись к вводу войск ОВД, чем чехи, и в общем лучше относились к советским военнослужащим. Авторы, оказавшиеся во время операции «Дунай» на словацкой территории, приводят меньше фактов противостояния со стороны местных жителей. Ю. Кузьмин считает, что «несмотря на бурные споры, отношение к нам, солдатам, было хорошее, даже где-то доброжелательное, словаки угощали нас сигаретами, жали руки, улыбались» [25. С. 584]. Идентичные воспоминания содержатся в тексте Э. Михайлова, который добавил, что «в беседах словаки не раз говорили, что они поддерживают ввод советских войск и даже выступают за вхождение Словакии в состав Украины» [27]. А. Майоров написал, что в целом ситуация для войск ОВД в Словакии была легче, чем в Чехии [15. С. 256].

В воспоминаниях упоминается и отношение граждан Чехословакии к представителям других стран ОВД—участниц ввода войск. Чаще всего в воспоминаниях подчеркивается крайне негативное отношение к немецким военнослужащим. Ю. Синельщиков писал, что не раз слышал высказывания чехов: «Ну ладно, сами пришли, но немцев-то зачем привели с собой?» [32. С. 75]. Автор подчеркнул, что немецкие военнослужащие были самыми дисциплинированными, четко выполняли инструкции и не допускали каких-либо экстренных ситуаций на контролируемой ими территории. Практически идентичную фразу относительно восприятия немецких войск в ЧССР привел в воспоминаниях Э. Воробьев [21]. При этом он охарактеризовал поведение военнослужащих ГДР как суровое.

Стоит, однако, указать, что отзывы о поведении солдат ГДР находятся в некотором противоречии с фактами, свидетельствующими об их очень ограниченном участии в акции. В. Толстых вообще отрицает нахождение на территории Чехословакии немецких частей: «Надо отметить следующее: вопреки всем слухам армия ГДР не входила в Чехословакию, хотя в состав боевой группы Центрального фронта были включены 7 танковая и 11 мотострелковая дивизии ННА ГДР, а также 12 пограничная бригада. Немцы очень хотели поучаствовать, но им просто не разрешили» [33]. В подтверждение своих слов автор сослался на интервью В. Ярузельского. Отмечу, что в научной литературе указывается, что немецкие военнослужащие, хотя и были продвинуты к границе двух стран, лишь косвенно участвовали в операции «Дунай», а часто упоминаемые 11-я мотострелковая и 7-я танковая дивизии ННА в августе — октябре 1968 г. не пересекли восточногерманско-чехословацкую границу [36. С. 393–404]. На территории ЧССР находились главным образом военнослужащие войск ГДР, выполнявшие функции коммуникации.

А. Майоров привел в мемуарах свое донесение министру обороны СССР, главному вооруженных сил стран Варшавского договора и главному группой «Север», в котором, кроме прочего, говорилось: «Следует также считаться с некоторой исторически сложившейся неприязнью словаков к венграм. Население Словакии быстрее поймет пребывание на их территории советских войск, нежели войск ВНР» [15. С. 260]. По указанной причине он предлагал убрать венгерские части с территории Словакии. В свою очередь, Ю. Синельщиков указал, что чехи лучше шли на контакт с польскими и венгерскими войсками, чем с советскими и тем более немецкими [32. С. 75].

Подводя итоги, попытаемся дать ответ на поставленные в начале работы вопросы. На основе рассмотренных воспоминаний можно составить образ Чехословакии в 1968 г. глазами советских военнослужащих — участников операции «Дунай». Наиболее полно в текстах охарактеризованы чехословацкая армия и особенности прохождения службы. При описании окружающей действительности, быта подчеркивалось именно то, что заметно отличалось от привычной жизни в СССР. Авторы часто останавливались на описании межнациональных отношений в стране.

На формирование образа другой страны, несомненно, влияли условия, при которых советские военные оказались в Чехословакии. Отрицательное восприятие чехословацким населением ввода войск ОВД вполне естественно отразилось на отношениях между местным населением (военным и гражданским) и советскими военнослужащими, особенно в первые месяцы военной операции. Данная ситуация предопределила появление негативных черт в описании страны и ее населения. При этом открытым остается вопрос, что больше влияло на формирование образа Чехословакии в условиях конфликта — сама окружающая действительность или материалы средств массовой информации и пропаганды, с которыми соприкасались военнослужащие и до начала операции «Дунай», и в ходе ее проведения.

Основной материал для анализа восприятия военнослужащими другого мира содержится в текстах воспоминаний, а не интервью. Особый интерес в этом плане представляют части текстов, не относящиеся напрямую к военным действиям и содержащие много второстепенных сведений. Подбор материала, изложенного в воспоминаниях, напрямую зависит от цели автора: собрать как можно больше фактов, вписать свои воспоминания в «большую историю», где главным будет политическая составляющая и принятие решений, или же красочно рассказать о прохождении военной службы, вспомнить интересные истории из повседневной жизни. При сходстве или близости структур текстов оценки описываемых событий, мнения авторов относительно восприятия населением Чехословакии ввода войск ОВД сильно отличаются. Интервью при рассмотрении заявленной проблемы слабо информативны, поскольку их целью являлось изучение иного предмета, интервьюируемый имел мало возможностей отклониться от основной темы.

Таким образом, воспоминания советских солдат и офицеров, вступивших на чехословацкую землю в августе 1968 г., являются заслуживающим внимания источником при исследовании не только истории чехословацкого конфликта, условий службы за границей, но и процесса взаимодействия с населением Чехословакии, знакомства со страной в условиях, сильно отличающихся от туристических поездок и встреч партийных делегаций. Данный источник имеет свою специфику и, как любой источник личного происхождения, нуждается в сопоставлении и дополнении. Проведение целевых интервью, в рамках

которых основное внимание будет уделено особенностям повседневной жизни Чехословакии 1968 г., специфике формирования образа этой страны в ходе проведения военной операции, явится в перспективе важным составляющим при исследовании обозначенных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива): сб. ст. / под ред. Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко, А.С. Стыкалина. М., 2010.
2. Латыш М.А. «Пражская весна» и реакция Кремля // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М., 1993.
3. *Марьяна В.В.* Пражская весна 1968 года: к вопросу о международном резонансе // Славяноведение. 2008. № 3.
4. *Мусатов В.Л.* О «Пражской весне» 1968 года // Духовное наследие. 1994. № 12–13 URL: http://www.pseudology.org/chtivo/Prazhsкая_vesna1968.htm (дата обращения 2. 10. 2012).
5. *Мусатов В.Л.* Россия и Восточная Европа: связь времен. М., 2008.
6. *Орлик И.И.* «Пражское лето» 68-го // Свободная мысль. 2008. № 7.
7. *Орлик И.И.* Мировое сообщество и события в Чехословакии в 1968 г. // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива): Сб. ст. / Под ред. Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко, А.С. Стыкалина. М., 2010.
8. *Стыкалин А.С.* Кризис в советско-румынских отношениях в августе 1968 г. и его влияние на контакты граждан двух стран (по материалам архивов Москвы и Кишинева) // Международные отношения в XX веке. Киров, 2016.
9. *Гланц Т.* Позор: о восприятии ввода войск в Чехословакию в литературных и гуманитарных кругах // Новое литературное обозрение. 2011. № 5.
10. *Едемский А.Б.* Жизнь в режиме двоемыслия: реакция советского экспертного сообщества на вторжение в Чехословакию в августе 1968 г. // Images MUNDI: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2016. Т. 9. № 3.
11. *Каменская Е.В.* Советская интеллигенция в условиях чехословацкого кризиса 1968 г.: образ в прессе и жизненные реалии // Костромской гуманитарный вестник. 2016. № 1.
12. *Мурашко Г.П.* «Пражская весна» и советская интеллигенция: к вопросу о формировании «внутрисистемной оппозиции» неосталинизму // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива): Сб. ст. / Под ред. Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко, А.С. Стыкалина. М., 2010.
13. *Поселягин Н.* Конец прекрасной эпохи: восприятие советскими интеллектуалами ввода советских войск в Чехословакию // Новое литературное обозрение. 2012. № 4.
14. *Раскатова Е.М.* 1968 год и проблема исторического самоопределения советской художественной интеллигенции // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2008. № 3.
15. *Майоров А.М.* Вторжение. Чехословакия. 1968. Свидетельство командарма. М., 1998.
16. *Булгаков В.В., Шевченко В.В., Байлов А.В.* Еще раз о «Пражской весне», операции «Дунай» и угрозе большой войны в Европе в 1968-м // Южнороссийский адвокат. 2015. № 3.
17. *Кузьмин Ю.М.* Взгляд советского солдата на «пражскую весну» и на ее подавление // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты. Материалы II международной научно-практической конференции. Рязань, 2017.
18. *Шинкарев Л.И.* Я это все почти забыл...: Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году. М., 2008.
19. Вторжение: взгляд из России. Чехословакия, август 1968 / Сост. Й. Поздерка. М., 2016.
20. Виртуоз воздушной дипломатии (Интервью Н. Пороскова с И. Пстыго) URL: http://nvo.ng.ru/notes/2016-06-24/16_virtuoz.html (дата обращения 19. 02. 2018).
21. *Воробьев Э.* Незванные гости // Независимое военное обозрение. 2002. 20 декабря. URL: http://nvo.ng.ru/history/2002-12-20/5_czechoslovakia.html (дата обращения 19. 08. 2012).
22. *Галушко Ю.А.* Чехословакия-68. Взгляд советского офицера из прошлого в будущее. Минск, 2015.
23. *Горелов Л.* Прага, 1968 г. URL: http://artofwar.ru/s/shejnin_a/text_0170.shtml (интервью 2006 г.). http://nvo.ng.ru/history/2002-09-13/5_autumn.html (дата обращения 31. 05. 2017).
24. *Козырев А.* «Пражская весна» глазами советского солдата // Уральский следопыт. 2010. № 11.

25. Кузьмин Ю.М. Чехословакия 1968 года глазами советского солдата, ставшего историком // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива): Сб. ст. / Под ред. Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко, А.С. Стыкалина. М., 2010.
26. Ларченков В.В. Мы выполняли интернациональный долг: интервью с доктором военных наук, профессором, генералом армии В.Н. Лобовым // Военный академический журнал. 2018. № 1.
27. Михайлов Э. Чешская осень // Независимое военное обозрение. 2002. 20 декабря. URL: http://nvo.ng.ru/history/2002-09-13/5_autumn.html (дата обращения 21. 03. 2013).
28. Они защищали мир в Европе. Сборник воспоминаний и архивных документов. Житомир, 2003.
29. Операция «Дунай». Сайт В.П. Сунцева URL: <http://www.dunay1968.ru/history.html> (дата обращения 8. 12. 2012).
30. Павлов А.П. Чехословакия, август 1968 года // Военно-исторический журнал. 2007. № 7.
31. Рассвет 21-го. Сайт В.В. Шевченко. URL: <http://rassvet21-go.ru/> (дата обращения 6.04.2018).
32. Синельников Ю.П. Чехословацкие события 1968 года глазами советского сержанта // Военно-исторический журнал. 2012. № 8.
33. Толстых В. Прага, год 1968-й. URL: <http://10otb.ru/content/praga1968.html#p04> (дата обращения 26. 02. 2023).
34. Чеботарев Е.М. Выполняли интернациональный долг // Военно-исторический архив. 2015. № 7.
35. Шевченко В.В. Навстречу рассвету. Ростов-на-Дону, 2011.
36. Венцке Р. Национальная народная армия ГДР в Праге не задействована // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Статьи, исследования, документы. М., 2010.